

На правах рукописи

Рудаков Владимир Николаевич

**РУССКИЕ КНЯЗЬЯ – СОВРЕМЕННИКИ НАШЕСТВИЯ
БАТЫЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ ИСТОРИОПИСАНИИ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIII – XVI В.**

Специальность 5.6.1. Отечественная история

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Москва
2026

Работа выполнена в Центре источниковедения истории России
Института российской истории Российской академии наук

**Научный
консультант:**

Горский Антон Анатольевич, доктор исторических наук, профессор, руководитель Центра источниковедения истории России, заместитель директора Института российской истории РАН

**Официальные
оппоненты:**

Гимон Тимофей Валентинович, доктор исторических наук, профессор РАН, заведующий Отделом истории Византии и Восточной Европы Института всеобщей истории РАН

Сиренов Алексей Владимирович, доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, профессор, директор Санкт-Петербургского института истории РАН

Успенский Федор Борисович, доктор филологических наук, член-корреспондент РАН, профессор, директор Института русского языка имени В.В. Виноградова РАН

**Ведущая
организация:**

**Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова**

Защита состоится «21» мая 2026 г. в 11 час. на заседании диссертационного совета 24.1.112.01, созданного на базе ФГБУН Институт российской истории Российской академии наук, по адресу: 117292, Москва, ул. Дмитрия Ульянова, д. 19 (конференц-зал).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте Института российской истории Российской академии наук:
<https://iriran.ru/>.

Автореферат разослан «___» 2026 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат исторических наук

 – И.А. Устинова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. Нашествие Батыя – важнейший рубеж отечественной истории. Монгольское завоевание русских земель заняло всего три года (с конца 1237 по конец 1240 г.), однако наступившая затем эпоха зависимости от Орды растянулась на долгие два с половиной столетия. В итоге нашествие стало отправной точкой протяженного и весьма драматичного периода русской истории, воспринимаемого самими средневековыми авторами в качестве значимой хронологической вехи. Именно поэтому «ордынская» тема была одной из самых главных тем русской средневековой книжности вплоть до конца XVI в.– то есть до времени, когда большинство «осколков» Улуса Джучи были включены в состав Русского государства.

Анализ действий русских князей – современников монгольского завоевания и отображения их поступков в историописании второй половины XIII – XVI в. является актуальной научной задачей. От степени ее разработанности напрямую зависит решение вопроса, связанного с комплексной оценкой причин поражения русских земель, а также факторов, впоследствии повлиявших на преодоление ордынской зависимости. Реконструкция поведения князей в годы нашествия позволяет осмыслить эту проблему не только в контексте объективных причин, оказавших влияние на ход исторических событий, но и через призму «субъективного фактора», связанного с поведенческим выбором правителей русских земель. Подобная постановка вопроса имеет непосредственное отношение к изучению общей проблематики лидерства и роли элит в преодолении кризисных для общества ситуаций, что также имеет актуальное звучание. Кроме того, реконструкция мотивов и механизмов прославления ключевых фигур эпохи нашествия Батыя в историописании второй половины XIII – XVI в. дает возможность уточнить общие закономерности функционирования памяти о значимых исторических событиях и их главных действующих лицах. Актуальность исследования определяется также серьезным общественным интересом к проблематике взаимоотношений русских земель с Ордой, к идеяным предпосылкам и военно-политическим обстоятельствам освобождения от ордынской зависимости и к таким фундаментальным

для отечественной общественной мысли проблемам, как анализ факторов, повлиявших на выбор исторического пути России, поиск основ ее культурного и цивилизационного своеобразия, реконструкция узловых моментов ее многовековой истории и векторов ее внешнеполитического позиционирования.

Степень разработанности темы. Несмотря на то что история монгольского завоевания Руси имеет давнюю традицию изучения¹, комплексное исследование поведения князей – современников нашествия и особенностей их отображения в историописании второй половины XIII – XVI в. предпринимается впервые. Сложившаяся в историографии ситуация во многом связана с утверждавшимися еще на самых ранних стадиях развития отечественной исторической науки представлениями о том, что причины поражения русских земель следует связывать исключительно с объективными обстоятельствами. Историки второй половины XVIII в., создававшие первые профессиональные труды по истории России, прежде всего выделяли численный перевес врага², а также разобщенность русских правителей – то, что, по выражению В.Н. Татищева, «ни один князь другому помогать не хотел»³. М.М. Щербатов, первым отметив, что поведение князей было одним из факторов поражения, писал о том, что с позиций средневековых авторов активное противостояние завоевателям противоречило «воле Господней»⁴. Однако такой подход не получил дальнейшего развития. Огромное влияние на историографическую традицию оказал авторитет Н.М. Карамзина, который исходил из «героической» трактовки действий князей⁵, павших «в неравных битвах и в защите городов бренных»⁶. В дальнейшем именно в разобщенности «наших слабых и несо-

¹ Новейший анализ работ по этой теме см.: Мухаметов Ф.Ф. Отечественная историография монгольского завоевания Руси. Дис. ... д-ра ист. наук. М., 2007; Золотая Орда: библиографический указатель / Авт.-сост. И.М. Миргалиев. Казань, 2013; Политов В.В. Отечественная историография влияния монголо-татарского ига на социально-политические институты княжеств Северо-Восточной Руси. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2017.

² Рычков П.И. Опыт казанской истории древних и средних времен. СПб., 1767. С. 25.

³ Татищев В.Н. История Российской. Кн. 3. СПб., 1774. С. 466.

⁴ Щербатов М.М. История Российской от древнейших времен. Т. II. СПб., 1771. С. 574–575.

⁵ Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. 4. М., 1992. С. 10, 13, 16, 25.

⁶ Он же. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношении. М., 1991. С. 19. Ср.: Полевой Н.А. История русского народа. Т. 4. М., 1833. С. 112–116. Ср.: Устялов Н.Г. Русская история. 4-е изд. СПб., 1849. С. 108–109.

гласных между собою князей» историки видели главную причину поражения. Мнение о раздробленности как решающем факторе поражения доминировало в более поздней дореволюционной и послереволюционной историографической традиции⁷. Особое место в этой связи занимает предвоенная и послевоенная советская историография: если в первые послереволюционные десятилетия историки предпочитали не замечать «ордынский» фактор как таковой⁸, то начиная с 1930-х гг. интерес к этим сюжетам стал возрастать. С одной стороны, активное развитие получила публицистическая направленность работ, в которых на первый план ставилась проблематика «героической борьбы русского народа против иноземных завоевателей»⁹. С другой стороны, марксистская методология, ставившая на первое место анализ объективных причин исторических событий, также создавала предпосылки для того, чтобы исследователи не выходили за рамки, очерченные историографией предшествующего периода. С этих же позиций факторы поражения русских земель оценивались и наиболее авторитетными зарубежными исследователями¹⁰.

Лишь относительно недавно стали появляться работы, в которых обращается внимание на «персональную составляющую» поражения, а именно на вопросы, связанные с готовностью или не-

⁷ Бестужев-Рюмин К.Н. О злых временах татарщины. СПб., 1891. С. 5; Греков Б.Д. Татарское нашествие (XIII–XV вв.) // Исторический журнал. 1937. № 6. С. 52; Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. М., Л., 1950. С. 179, 199–200, 213; Очерки истории СССР. Период феодализма. XI–XV вв. Ч. 1. М., 1953. С. 832–834; Пащутко В.Т. Героическая борьба русского народа за независимость (XIII век). М., 1956. С. 3, 81, 159 и др.

⁸ Покровский М.Н. Русская история с древнейших времен. Ч. 1. М., 1899. С. 117. См. также: Насонов А.Н. Татарское иго на Руси в освещении М.Н. Покровского // Против антимарксистской концепции М.Н. Покровского. Сб. ст. / Ред. Б. Греков, Ем. Ярославский, С. Бушуев. Т. 2. М., Л., 1940. С. 59–91. Ср.: Соловьев С.М. Сочинения. Кн. II. М., 1988. С. 54.

⁹ Альшиц Д.Н. Нашествие Батыя. М., 1939; Рыбаков Б.А. Борьба Руси с Батыем // Народ-богатырь. IX–XIII вв. М., 1948. С. 36–55; Орлов А.С. Героические темы древней русской литературы. Л., 1945; Пропп В.Я. Русский героический эпос. Л., 1958. С. 287–368; Пащутко В.Т. Указ. соч. С. 150–172; Шевяков В.Н. Подвиг русского народа в борьбе против татаро-монгольских захватчиков XIII–XV вв. М., 1961. С. 22–37; Каргалов В.В. Монголо-татарское нашествие на Русь. XIII век. М., 1965. С. 90–92 и др.

¹⁰ Феннел Дж. Кризис средневековой Руси. 1200–1304. М., 1989. С. 124–127; Hartog de L. Russia and the Mongol Yoke. The History of the Russian Principalities and the Golden Horde 1221–1502. L., N.-Y., 1996. P. 15–18; May T. The Mongol Art of War: Chinggis Khan and the Mongol Military System. Westholme, 2007. P. 108–109; Франклайн С., Шепард Д. Начало Руси. 750–1240. М., 2009. С. 571 и др. Ср.: Толочкин П.П. Кочевые народы степей и Киевская Русь. СПб., 2017. С. 136–137 и др.

готовностью правящих кругов русских княжеств оказать отпор завоевателям¹¹. Тем не менее на сегодняшний день наука не располагает данными о численности ни тех правителей, ктооказал действенное сопротивление завоевателям, ни тех, кто покинул свои территории, спасаясь от нашествия бегством. Неизвестно также соотношение погибших и спасшихся князей. Даже в коллективной монографии, посвященной истории правящей элиты Русского государства, отсутствует комплексный анализ действий князей в годы нашествия¹². Таким образом, данная исследовательская задача не решена и по сей день.

Действия отдельных князей – современников монгольского за-воевания рассматривались как в работах, касающихся истории нашествия Батыя, так и в обобщающих исследованиях, посвященных основным этапам жизни правителей русских земель, анализу их родственных связей и ареалов политического влияния. Есть немало специальных работ, посвященных отдельным князьям – современникам нашествия, а также исторической памяти о них.

Значительное число работ посвящено великому князю владимирскому Юрию Всеволодовичу, его действиям в первые месяцы нашествия и особенно событиям на реке Сити. Большинство из них носили апологетический характер и были тесно связаны с традицией церковного прославления Юрия Всеволодовича, начавшегося в 1645 г. Между тем церковная биография великого князя опиралась прежде всего на комплиментарные по отношению к нему рассказы Лаврентьевской летописи (далее – Лавр.) и восходящей в конечном счете к ней же Степенной книги, игнорируя при этом другие источники. В рамках такого подхода поведение великого князя и события на реке Сити освещались в большинстве работ советского и постсоветского периодов. Обзорные работы В.В. Каргалова, Л.В. Черепнина, Дж. Феннела были одними из немногих исследований, в которых приводились и альтернативные оценки действий Юрия Всеволодовича. Серьезный вклад в преодоление

¹¹ Горский А.А. Русь. От славянского расселения до Московского царства. М., 2004. С. 181–182; Комаров К.И. О нашествии Батыя на Северо-Восточную Русь в 1237–1238 гг. // Вопросы истории. 2012. № 10. С. 94 и др.

¹² См.: Правящая элита Русского государства IX – начала XVIII вв. Очерки истории. СПб., 2006. С. 66.

исследовательской зависимости от трактовок событий 1238 г. в рамках апологетической традиции внесла работа К.И. Комарова, подвергшего критическому анализу действия великого князя Юрия Всеволодовича в условиях нашествия¹³. Помимо обобщающих исследований, касающихся истории монгольского завоевания Сузdalской земли, в последнее время были опубликованы два биографических исследования, посвященных Юрию Всеволодовичу,— А.Ю. Карпова и А.А. Кузнецова¹⁴. Важный вклад в изучение событий 1238 г. и роли в них Юрия Всеволодовича внесли работы А.В. Майорова и В.А. Кучкина, сформулировавших новые подходы к анализу источников о нашествии и впервые в историографии высказавших аргументированное мнение о том, что критическое по отношению к Юрию описание событий на реке Сити, находящееся в Новгородской первой летописи, больше походит на историческую реальность, чем рассказ Лавр¹⁵. Что касается эволюции исторической памяти о Юрии Всеволодовиче, исследования на этот счет носят единичный характер и относятся в основном к анализу источников XVI–XVII вв., созданных после его официальной канонизации, при этом анализ эволюции образа великого князя в более ранних источниках не предпринимался. Практически за рамками научного изучения остались и обстоятельства гибели сыновей Юрия Всеволодовича, а также развитие памяти о них: как и в случае с самим великим князем, исследователи в основном всецело доверяли рассказу об обороне Владимира, дошедшему в Лавр., дополняя его по более поздним летописным источникам, восходящим к ней же. Исторической памяти о погибшем на реке Сити ростовском князе Васильке Константиновиче и его сыновьях посвящено всего несколько специальных работ¹⁶. То же самое можно сказать

¹³ Комаров К.И. Указ. соч. С. 87–96.

¹⁴ Карпов А.Ю. Великий князь Юрий Всеволодович. М., 2021; Кузнецов А.А. Георгий (Юрий) Всеволодович, великий князь Владимирский. М., 2024.

¹⁵ Кучкин В.А. Завоевание Руси Батыем // Российская история. 2020. № 4. С. 3–30. Ср.: Майоров А.В. Завоевание русских земель в 1237–1240 годах // Золотая Орда в мировой истории. Казань, 2016. С. 89–91.

¹⁶ Fennell J. The Tale of the Death of Vasil'ko Konstantinovič: A Study of the Sources // Ostseeprota in Geschichte und Gegenwart: FS f.G. Stökl zum 60. Geburtstag. Köln, 1977. S. 34–46; Плешанов Е.В. Князь Василько ростовский (к 790-летию со дня рождения) // История и культура Ростовской земли. 1999. Ростов, 2000. С. 101–105; Андреева Е.А. «Подвизаясь на бранях...»: образ Василька Константиновича Ростовского в Степенной книге // Русская речь. 2018. № 5. С. 56–61.

и про рязанских князей, первыми принявших бой с монголами. При этом характерной особенностью значительной части работ, посвященных действиям рязанских князей, является привлечение к анализу более поздней (середины XVI в.) «Повести о разорении Рязани Батыем», долгое время рассматривавшейся в качестве источника, составленного в близкое к описываемым в нем событиям время¹⁷.

Действия в годы нашествия Михаила Всеволодовича Черниговского и его последующая трагическая судьба давно привлекают внимание исследователей. Тем не менее единственной обобщающей научной работой о жизни князя до сих пор является монография М. Димника, вышедшая почти полвека назад¹⁸. Из новейших исследований, посвященных действиям Михаила Всеволодовича в годы нашествия, обстоятельствам его гибели в Орде и мотивам его посмертного прославления, стоит отметить работы Н.И. Пак, П.П. Толочко, А.Г. Юрченко, И.В. Белозерова, А.А. Горского, А.В. Майорова, А.В. Мартынюка и др. Отдельно следует выделить работу А.В. Лаушкина, предпринявшего попытку реконструировать «идеологический» контекст церковного прославления черниговского князя¹⁹. Политика Даниила Романовича Галицкого в годы нашествия и в последующий период стала предметом рассмотрения авторов как обобщающих работ (Н.П. Дашкевича, В.Т. Пашуто, Н.Ф. Котляра, Д. Домбровского и др.), так и работ, посвященных отдельным моментам его биографии. В отличие от почти единодушной оценки действий Михаила Черниговского как бегства, предпринятого в самый разгар нашествия, поездка князя Даниила «в Угры» в историографии нередко трактуется как часть его дипломатических усилий, якобы направленных на формирование ан-

¹⁷ Шамбина С.К. Исторические повести // История русской литературы. Т. 2. Литература 1220-х – 1580-х гг. Ч. 1. М., Л., 1945. С. 77–85; Комарович В.Л. К литературной истории Повести о Николе Зарайском // ТОДРЛ. Т. 5. М., Л., 1947. С. 57–72; Лихачев Д.С. К истории сложения Повести о разорении Рязани Батыем // Археографический ежегодник за 1962 год. М., 1963. С. 48–51; Кузьмин А.Г. Рязанское летописание: Сведения летописей о Рязани и Муроме до середины XVI в. М., 1965. С. 154–168.

¹⁸ Dymitri M. Mikhail, Prince of Chernigov and Grand Prince of Kiev 1224–1246. Toronto, 1981.

¹⁹ Лаушкин А.В. К истории возникновения ранних проложных сказаний о Михаиле Черниговском // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 1999. № 6. С. 3–25.

титатарской коалиции. Однако ряд исследователей (А. А. Горский, П. С. Стефанович и др.) полагают возможным интерпретировать поведение князя как бегство.

Еще два правителя, действовавших в годы монгольского захвата, не упоминаются в источниках непосредственно в связи с нашествием. Тем не менее память о них, с одной стороны, формировалась во многом под влиянием «ордынского» фактора, а с другой – оказала заметное воздействие на существовавшую во второй половине XIII – XVI в. систему оценок княжеского поведения. Это князья Александр Ярославич (Невский) и его отец Ярослав Всеволодович. В последние годы характер взаимодействия Александра Невского с монгольскими властями, его усилия по отражению агрессии шведов и немцев, а также политика в отношении Рима анализировались в работах А. А. Горского, И. Н. Данилевского, В. В. Долгова, Ю. В. Кривошеева, В. А. Кучкина, А. В. Майорова, С. А. Масловой, А. Селарта, Ю. В. Селезнева, Р. А. Соколова, Д. Г. Хрусталева и др. Одним из дискуссионных является вопрос о мотивах раннего (сразу после кончины) прославления князя. В настоящее время на первое место ставится его особая роль в защите православия от католической экспансии. Однако такая трактовка плохо соотносится с данными современной науки, согласно которым во второй половине XIII в. в русских землях отсутствовало однозначно отрицательное отношение к латинскому миру, которое фиксируется лишь в более поздних памятниках²⁰. Развитие исторической памяти об Александре Невском стало предметом анализа отечественных и зарубежных исследователей. Прежде всего это работы Ф. Б. Шенка, М. Исоахо и А. В. Сиренова²¹. Историографи-

²⁰ Флоря Б. Н. У истоков религиозного раскола славянского мира (XIII в.). СПб., 2017. С. 215; Ляушкин А. В. Русь и соседи: история этноконфессиональных представлений в древнерусской книжности XI–XIII вв. М., 2019. С. 243–245; Костромин К. А. Св. Александр Невский и латинский Запад глазами древнерусских агиографов // Палеороссия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. 2020. № 1 (12). С. 124–130.

²¹ Schenk F. B. Aleksandr Nevskij. Heiliger – Fürst – Nationalheld. Eine Erinnerungsfigur im russischen kulturellen Gedächtnis (1263–2000). Köln, 2004. Пер.: Шенк Ф. Б. Александр Невский в русской культурной памяти: святой, правитель, национальный герой (1263–2000). М., 2007; Isoaho M. The Image of Aleksandr Nevskiy in Medieval Russia. Warrior and Saint. Leiden; Boston, 2006; Сиренов А. В. Александр Невский в культуре России средневековья и нового времени // Труды Отделения историко-филологических наук РАН. 2016. М., 2017. С. 368–380.

ческая традиция изучения биографии великого князя Ярослава Все-володовича куда более скромна. На этом фоне важным явлением стала недавняя обстоятельная биографическая статья П. В. Лукина, подготовленная на обширном источниковом материале для «Православной энциклопедии»²². Кроме того, в последнее время появился целый ряд работ (А. А. Горского, В. А. Кучкина, А. В. Майорова, Ф. Н. Веселова, В. В. Долгова, Л. В. Воротынцева, Т. Р. Галимова и др.), посвященных отдельным эпизодам биографии князя, в том числе имеющим отношение к «ордынской» проблематике и к обстоятельствам его кончины. При этом вопросы, касающиеся эволюции исторической памяти о нем, в историографии затрагивались лишь фрагментарно.

Проблемы, связанные с определением критериев оценки действий князей в условиях военных конфликтов, были подняты в классических работах А. Е. Преснякова и Д. С. Лихачева²³. Однако в них речь шла преимущественно о домонгольском периоде и о представлениях, распространенных прежде всего в «дружинной» среде. На более широком источниковом материале проблематика, связанная с представлениями о должном поведении князей, исследована в специальных работах Б. Н. Флори, А. А. Турилова, Т. Л. Вилкул, Ю. В. Кагарлицкого, А. В. Прошина и др. Отдельно следует отметить исследования А. А. Горского, проследившего эволюцию отношения к феномену защиты своей земли в источниках XI–XV вв.²⁴, и А. С. Хорошева, предпринявшего анализ характера княжеской канонизации того времени. Стоит также выделить работу И. Долманьюша, впервые сформулировавшего исследовательскую задачу по изучению «отъездов» князей в ситуации военной опасности²⁵. Однако вопрос о том, как такие действия соотносились с мировоз-

²² Лукин П. В. Ярослав Всеvolodich // Православная энциклопедия. Т. 75. М., 2025. С. 628–635.

²³ Пресняков А. Е. Княжое право в Древней Руси. Лекции по русской истории. М., 1993; Лихачев Д. С. Человек в литературе Древней Руси // Лихачев Д. С. Избранное. Т. 3. Л., 1987.

²⁴ Горский А. А. Представления о защите Отечества в средневековой Руси (XI–XV вв.) // Мировосприятие и самосознание русского общества (XI–XX вв.). М., 1994. С. 6–15.

²⁵ Долманьюш И. Политика личной безопасности и военной защиты великих русских князей в средневековье: Русские аналогии некоторым европейским «региғутиям» // Etudes historiques hongroises 1985 publiées à l'occasion du XVI Congrès international des Sciences Historiques par le Comité National des Historiens Hongrois. Budapest, 1985. Bd. 1. С. 151–176.

зренческими установками средневековых книжников, был оставлен исследователями без внимания.

Таким образом, в современной историографии до сих пор нет обобщающих работ, посвященных комплексному анализу действий русских князей в годы нашествия Батыя, а также эволюции представлений о них в историописании второй половины XIII – XVI в. Наука не располагает данными о численности правителей, оказавших действенное сопротивление завоевателям, и тех, кто покинул свои территории, спасаясь от нашествия бегством; неизвестно также соотношение погибших и спасшихся князей. Существуют серьезные лакуны в реконструкции представлений средневековых книжников о поступках отдельных правителей русских земель (например, великого князя владимирского Юрия Всеволодовича и его сыновей). Не изучена эволюция памяти о князе Михаиле Черниговском, а также о великом князе владимирском Ярославе Всеволодовиче. Не решен вопрос о мотивах раннего прославления святого благоверного князя Александра Невского и последующей эволюции его образа как защитника Русской земли перед лицом ордынской угрозы. В историографии практически не представлены работы по анализу отношения книжников к бегству князей, носившему явно неединичный характер. Наконец, отсутствуют работы о факторах, повлиявших на продолжавшуюся на протяжении XIV–XVI вв. трансформацию представлений о должном поведении правителей русских земель в условиях внешней угрозы, влиявшую в том числе и на ретроспективное восприятие поступков князей – современников нашествия.

Описанные выше особенности историографической ситуации определяют стоящие перед исследованием цель и задачи, а также предмет, объект, хронологические рамки, источниковую базу работы, ее научную новизну и актуальность.

Объект исследования – повествования о действиях правителей русских земель – современников нашествия Батыя в историописании второй половины XIII – XVI в.

Предмет исследования – эволюция представлений о поступках русских князей – современников монгольского завоевания, совершенных ими в годы нашествия и вскоре после него, в отечественных летописных и агиографических памятниках второй половины XIII – XVI в.

Цель исследования – реконструировать общую картину поведения русских князей – современников нашествия Батыя и эволюцию исторической памяти о них в историописании второй половины XIII – XVI в.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

- выявить существовавшие в домонгольский период представления об идеальном образе князя-воина и определить, в какой мере реальные действия князей соотносились с этим образом;

- на основе анализа ранних сообщений русских летописных и агиографических произведений определить общее число князей, действовавших в период нашествия Батыя, и выявить соотношение тех, кто сражался с врагом, и тех, кто избегал столкновений с ним;

- реконструировать отношение книжников к возможности и невозможности сопротивления нашествию в русском историописании второй половины XIII в.;

- на основе комплексного анализа известий о нашествии Батыя определить характер работы книжников над ранними летописными рассказами о действиях князей, погибших от рук завоевателей;

- проанализировать направления трансформации образов русских князей, погибших во время нашествия Батыя, в основных летописных сводах XV–XVI вв.;

- реконструировать мотивы князей Михаила Черниговского и Даниила Галицкого, покинувших подконтрольные им территории накануне нашествия Батыя, а также определить отношение книжников второй половины XIII – XVI в. к бегству князей от врага;

- определить причины, по которым факт бегства Михаила Черниговского не стал препятствием для его церковного прославления, и проанализировать направления эволюции образа князя в историописании XV–XVI вв.;

- реконструировать мотивы раннего церковного прославления Александра Невского и выявить основные направления эволюции образа князя в летописании и произведениях агиографии XV–XVI вв. в части, касающейся восприятия книжниками его отношений с татарами;

- установить этапы формирования памяти о князьях Борисе Васильковиче и Ярославе Всеволодовиче, реконструировав меха-

низмы создания княжеской репутации в условиях отсутствия необходимой для этого информации;

– реконструировать мировоззренческий контекст осмыслиения действий князей – современников нашествия Батыя в произведениях историописания XV–XVI вв. и выявить идеологические основы для формирования в этот период нового нравственного императива поведения правителей русских земель.

Хронологические рамки исследования ограничиваются временем со второй половины XIII в. до конца XVI в. Во второй половине XIII в. создаются наиболее ранние из дошедших до нас летописных и агиографических текстов, посвященные князьям – современникам нашествия Батыя. В конце XVI в. Русское государство завершило процесс присоединения к себе большинства бывших ордынских «царств», в силу чего история начального этапа русско-ордынских отношений стала терять свою злободневность для современников. Одновременно с этим возникают новые, отличные от традиционных средневековых, формы и способы передачи исторических знаний, а также новые приемы работы с историческим материалом.

Теоретико-методологическая база диссертации основывается на теоретических разработках и методическом инструментарии современной исторической науки²⁶. Основополагающими для диссертационного исследования стали принципы историзма, объективности и детерминизма. Принцип историзма предполагает рассмотрение любого явления в контексте конкретно-исторических условий его происхождения и развития, в тесной взаимосвязи с другими историческими процессами и явлениями²⁷. Принцип объективности подразумевает воссоздание исторических реалий с опорой на подлинные факты и выявленные наукой закономерности исторического развития. Принцип детерминизма опирается на представление, согласно которому все наблюдаемые явления «не случайны, а имеют причину,

²⁶ Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. М., 1987. С. 138. Ср.: Кром М.М. «Методы» и «подходы»: происхождение и эволюция ключевых понятий современного исторического дискурса // Новое прошлое / The New Past. 2021. № 4. С. 94.

²⁷ Савельева И.М., Полетаев А.В. Теория исторического знания. Учебное пособие. М., 2008. С. 208–284; Репина Л.П. Историческая наука на рубеже ХХ–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М., 2011. С. 438–439; Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / Отв. ред. А.О. Чубарьян. М., 2014. С. 149–151.

обусловлены определенными предпосылками, и вся действительность предстает как сплетение причинно-следственных связей»²⁸. В работе использовались общенаучные методы исследования: восхождение от конкретного к абстрактному и от абстрактного к конкретному, индукция и дедукция, анализ и синтез, описание и измерение и др.²⁹

Исходя из цели работы, использовались следующие специально-исторические методы исследования: историко-критический (обеспечивающий корректное извлечение из источников достоверной информации и реконструкцию на ее основе исторических фактов), сравнительно-исторический (позволяющий вскрывать сущность изучаемых явлений и по сходству, и по различию присущих им свойств), историко-типологический («отвечающий» за типологизацию и классификацию исторических явлений и процессов), структурный (состоящий в выявлении устойчивых связей внутри системы, обеспечивающих сохранение ее основных свойств), историко-системный (позволяющий осуществлять переход от конкретно-исторического знания к теоретическому, к пониманию законов функционирования социальной системы как таковой), историко-динамический (направленный на оценку изменений во времени), историко-генетический (необходимый для выявления и анализа причинно-следственных связей, объясняющих изменение исторической реальности).

Особое место в работе уделяется использованию статистического метода, позволяющего решать вопрос о количественных параметрах поведения правителей русских земель в условиях нашествия, а также методам терминологического и текстологического анализа, интерпретации текста и релевантных контекстов. Выявление и анализ терминологии, применяемой книжниками для описания действий князей, а также используемых ими явных и скрытых цитат из текстов Священного Писания, произведений Отцов Церкви, русских и зарубежных средневековых летописных, агиографических, литературных произведений имеют огромное значение для восстановления смыслового и аксиологического контекста, актуального для рассказов о действиях правителей русских земель в рассматриваемый период.

²⁸ Там же. С. 88.

²⁹ Ковальченко И.Д. Указ. соч. С. 145–159; Теория и методология истории. Учебник для вузов / Отв. ред. В.В. Алексеев, Н.Н. Крадин, А.В. Коротаев, Л.Е. Гришин. Волгоград, 2014. С. 390–399.

Методологической основой работы стало также сопоставление действий князей как с устоявшимися книжными представлениями о должном поведении правителя в условиях войны, так и с реальными поведенческими практиками предшествующего нашествию исторического периода. Текстологический анализ составленных в разное время редакций летописных и агиографических произведений, посвященных действиям князей – современников Батыева нашествия, а также герменевтический анализ данных им книжниками оценочных характеристик позволили проследить направления трансформации исторической памяти об указанных правителях. Особое место в работе с летописными и агиографическими произведениями второй половины XIII – XVI в. было удалено выявлению фактов и интерпретации причин редакторских сокращений текстов, мотивам их переработки и дополнения новыми деталями, подробностями и смыслами.

Важной методологической составляющей исследования является анализ ментальных установок русских средневековых книжников, выступавших главными фиксаторами исторических событий, в том числе связанных с нашествием. «Теоретическим фундаментом» многочисленных исторических концепций русского Средневековья был провиденциализм³⁰, выражавшийся прежде всего в представлении о том, что события земной жизни человека являются отражением событий «мира невидимого»³¹. Такой взгляд влиял на восприятие и изображение монгольского нашествия, оценку действий русских князей³², осмысление возможностей противостояния врагу, причин поражений и перспектив побед. В рамках исследования учитывалась также диалектическая взаимосвязь военно-политических реалий и представлений людей того времени, поскольку, в соответствии с общими законами социальной психологии³³, изменения военно-политической ситуации влекли за собой перемены в осмыслиении действительности, при этом сами ментальные установки влияли на поведение людей в складывавшихся новых политических обстоятельствах.

³⁰ Борисов Н.С. Политика Московских князей (конец XIII – первая половина XIV в.). М., 1999. С. 30.

³¹ Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М., 1984. С. 25–26.

³² Щапов Я.Н. Религиозное осмысление социальной и политической действительности в древнерусских летописях // Церковь в истории России. Сб. 2. М., 1998. С. 7.

³³ Выготский Л.С. Сознание как проблема психологии поведения // Выготский Л.С. Собр. соч. в 6 т. Т. 1. М., 1982. С. 78–98.

Научные методы критической оценки достоверности и интерпретации сведений летописных источников были разработаны и успешно применены в трудах А. А. Шахматова, М. Д. Приселкова, А. Н. Насонова, Д. С. Лихачева, Я. С. Лурье и др. Особенности жанрового своеобразия и методы научного анализа агиографических произведений сформулированы в работах В. О. Ключевского, В. П. Адриановой-Перетц, Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, Б. И. Бермана, М. Ю. Плюхановой, А. А. Пауткина, Т. Р. Руди, В. М. Живова и др. Комплексное применение перечисленных методов дает возможность решения поставленных в диссертации задач.

Понятийный аппарат исследования. Ключевым понятием, используемым в данной работе, является понятие «историописание», под которым обычно понимается письменная фиксация исторических событий от кратких известий или перечней до развернутых нарративов³⁴. Использование этого понятия оправдано прежде всего спецификой средневековых текстов, деление которых в рамках современной системы жанров зачастую представляется искусственным и спорным, что находит подтверждение на материале источников второй половины XIII – XVI в.³⁵ В работе также используется понятие «историческая память», под которой понимается «тот образ, который запечатлелся у переживших его участников и современников, транслировался непосредственным потомкам, реставрировался или реконструировался в последующих поколениях»³⁶. Исходя из этого, главные вопросы, ответы на которые ищет историк, изучающий историческую память, связаны не столько с реконструкцией реального события, сколько с тем, «что и как рассказывалось о событии, как от эпохи к эпохе менялись акценты в повествовании, какие новые смыслы вписывались в готовый сюжет?»³⁷.

³⁴ Гимон Т.В. Историописание раннесредневековой Англии и Древней Руси. Сравнительное исследование. М., 2012. С. 23–24.

³⁵ Он же. К проблеме зарождения историописания в Древней Руси // Древнейшие государства Восточной Европы. 2013: Зарождение историописания в обществах Древности и Средневековья / Отв. ред. тома Д.Д. Беляев и Т.В. Гимон. М., 2016. С. 748–800.

³⁶ Репина Л.П. Культурная память и проблемы историописания (историографические заметки). М., 2003. С. 9–10.

³⁷ Там же. С. 24.

Источниковая база исследования. Важнейшими источниками по истории средневековой Руси являются летописи³⁸. Наиболее ранние из дошедших до нас рассказов о нашествии содержатся в Новгородской первой летописи старшего извода (далее – НПЛ), Ипатьевской (далее – Ипат.) и Лавр., представляющих, соответственно, новгородское и галицко-волынское летописание, а также летописание Сузdalской земли. Время их создания не выходит за пределы XIII в. К Лавр. близка Троицкая летопись (далее – Тр.): ее единственный список был утрачен во время московского пожара 1812 г., поэтому ее чтения восстанавливаются на основе выписок Н.М. Карамзина, а также чтений Лавр. и Симеоновской (далее – Сим.). К концу XIII в. относится и составление русских статей «Летописца вскоре» патриарха Никифора, представляющего собой краткое и последовательное перечисление княжений.

Новый этап осмыслиения действий правителей русских земель в годы нашествия Батыя связан с созданием масштабного т.н. Новгородско-Софийского свода (или «свода митрополита Фотия»), который нашел отражение в Софийской первой старшего извода (далее – С1), второй выборке Новгородской Карамзинской (далее – НК2) и Новгородской четвертой (далее – Н4) летописях. В основе этого памятника лежал общерусский свод начала XV в., а также синхронные ему новгородский и ростовский своды. Последний отразился в Московско-Академической летописи и сокращенном своде второй половины XV в., которые содержат ряд уникальных известий за вторую половину XIII в. Вопрос о взаимоотношениях текстов С1, НК2, Н4 летописей, а также о времени и месте возникновения сводного текста является предметом научной дискуссии³⁹. Следующий этап развития текста о нашествии Батыя связан

³⁸ Необходимые для целей настоящего исследования летописные и другие источники опубликованы. В основе характеристики используемых летописных сводов лежит работа: *Лурье Я.С. Генеалогическая схема летописей XI–XVI вв., включенных в «Словарь книжников и книжности Древней Руси» // ТОДРЛ. Т. 40. Л., 1985. С. 190–205.*

³⁹ См.: *он же. Две истории Руси XV в. Ранние и поздние, независимые и официальные летописи об образовании Московского государства. СПб., 1994. С. 15–16, 108–116; Прокоров Г.М. Летописные подборки рукописи ГПБ, F.IV.603 и проблема сводного общерусского летописания // ТОДРЛ. Т. 32. Л., 1977. С. 165–198; Бобров А.Г. Новгородские летописи XV века. СПб., 2001. С. 93–186; Шибаев М.А. Новгородско-софийский свод и протоскрипторий Евфимия II // Новгородский исторический сборник. 2015. Вып. 15 (25). С. 127–134 и др.*

с московским великокняжеским летописанием середины – второй половины XV в.: оно представлено летописями Никаноровской и Вологодско-Пермской, Московским сводом конца XV в. (далее – МС конца XV в.), сводами 1497 г. (Прилуцкая летопись) и 1518 г. (Уваровская летопись). Великокняжеское летописание вошло также в Ермолинскую (далее – Ерм.) и Типографскую (далее – Типогр.) летописи конца XV в. Дальнейшая история рассказов о нашествии Батыя связана с масштабными летописными памятниками XVI в., прежде всего Никоновской (далее – Ник.) и Воскресенской (далее – Воскр.) летописями, а также Степенной книгой царского родословия (далее – СК). В основе рассказа Ник. о нашествии лежат рассказы Сим., Ерм. и Русского хронографа 1512 г., в общих чертах передающие версию, восходящую к рассказу МС конца XV в. Воскр. также опиралась на трактовку МС конца XV в. с вариантами, отразившимися в С1 по списку Н. И. Царского. Обе летописи – Ник. и Воскр. – были основными летописными источниками СК, помимо которых ее составителем привлекались как летописные, так и нелетописные источники: среди последних одно из важнейших мест занимают «Великие Четыи-Минеи» митрополита Макария (далее – ВМЧ). СК использовалась при составлении в 70-е гг. XVI в. Лицевого летописного свода (далее – ЛЛС), также привлекаемого к настоящему исследованию, кроме того, она оказала огромное влияние на историописание XVII в. и раннюю научную историографию.

Важнейшими источниками для решения задач настоящего исследования являются княжеские жития. Самая ранняя редакция «Сказания об убиении в Орде князя Михаила Черниговского и его боярина Феодора» (далее – ЖМЧ⁴⁰) могла быть создана в 1270-е гг. в Ростове (далее – ред. Р.). В дальнейшем были созданы пространные проложные редакции ЖМЧ, которые Н. И. Серебрянский предложил называть редакциями «с именем отца Андрея» (далее – ред. А.), «с именем епископа Иоанна» (далее – ред. И.), «распространение редакции отца Андрея» (далее – ред. РА) и «сокращение редакции епископа Иоанна» (далее – ред.

⁴⁰ Серебрянский Н.И. Древнерусские княжеские жития. Обзор редакций и тексты. М., 1915.

СИ)⁴¹. Тексты ред. А. и ред. И. не имеют существенных разнотений, и их следует рассматривать в качестве вариантов одной и той же редакции, по сравнению с которой ред. РА имеет более распространенную начальную часть, прочие же отличия ред. РА и ред. А. / ред. И. «не выходят за рамки мелких разнотений». При этом ред. СИ представляет собой сокращение текста, близкого к ред. А. / ред. И. Эти наблюдения говорят о том, что тексты пространных проложных редакций (ред. РА, А., И. и СИ) восходят к общему источнику. На сегодняшний день исследователи исходят из того, что ред. Р. и архетип пространных проложных редакций независимы друг от друга и имеют общий протограф, датируемый более чем полувековым периодом времени от второй половины XIII в. до 1313 г. Редакции ЖМЧ в дальнейшем были включены в состав летописных сводов. Так, при составлении С1 была использована ред. РА, а уже в МС конца XV в.– т.н. Первая Пахомиева редакция ЖМЧ, которая была создана Пахомием Сербом (Логофетом) в конце 1470-х – 1480-е гг. и затем легла в основу созданной им же Пространной Пахомиевой редакции ЖМЧ. Последняя, в свою очередь, была помещена в ВМЧ. В их состав впоследствии было включено и «Слово похвальное Филолога черноризца», созданное в 1510–1520 гг. В рассказе Ник., составитель которой опирался на Сим. (в основу ее рассказа легла ред. РА, отразившаяся в С1), ЖМЧ подверглось некоторой переработке, рассказ же СК и идентичный ей текст ЛПС представляли собой переделку Пространной Пахомиевой редакции, отразившейся в ВМЧ, с привлечением летописных рассказов о нашествии Батыя, а также отдельных фрагментов «Слова похвального» Льва Филолога. К исследованию привлекался кондак на перенесение мощей князя Михаила и боярина его Феодора из Чернигова в Москву, авторство которого приписывается Ивану IV, а также приписываемый царю текст «зазывной грамоты».

⁴¹ За прошедшее с момента исследования Н.И. Серебрянского время атрибуция ряда редакций неоднократно подвергалась корректировке, в результате которой предлагались и иные наименования самих редакций ЖМЧ. Однако в данной работе автор полагает целесообразным сохранить ставшие привычными наименования, предложенные Н.И. Серебрянским.

Еще одним агиографическим памятником, привлекаемым к исследованию, стало Житие Александра Невского (далее – ЖАН), дшедшее в нескольких редакциях⁴². Создание первоначальной редакции ЖАН относится к 1263–1265 гг. Для решения задач, стоящих перед исследованием, были привлечены т. н. Особая редакция ЖАН и близкое к ней ЖАН в редакции С1, созданные, по мнению исследователей, до первого десятилетия XV в. Новая переработка ЖАН была сделана для составленной в 1520-е гг. Ник.: ее источниками стали варианты ЖАН из МС конца XV в., Сим., Новгородской пятой летописи и ряд других источников. Владимирская редакция ЖАН, вошедшая в Успенский список ВМЧ, в качестве своего основного источника использовала первоначальную редакцию Жития. В 40–50-е гг. XVI в. псковским книжником Василием-Варлаамом была составлена еще одна редакция ЖАН, вошедшая в Царский список ВМЧ, созданный специально для библиотеки Ивана IV. В ней среди источников была использована Пространная Пахомиева редакция ЖМЧ. Особая редакция ЖАН была создана для СК и вошла в состав отдельной VIII степени (работа над текстом, вероятно, была завершена в 1560–1561 гг.). В основу редакции ЖАН в составе СК была положена Владимирская редакция, использовался и ряд других текстов, посвященных Александру Невскому (в частности, редакция ЖАН Василия-Варлаама, отдельные чтения С1 мл., Ник., ЛЛС, Воскр.). Самая обширная и самая беллетризированная редакция ЖАН появилась в 1591 г., она принадлежала перу известного книжника митрополита Ростовского и Ярославского Ионы (Думина) и являлась «идейным и стилистическим продолжением традиции СК в конце XVI в.».

К исследованию привлекались и другие источники: Изборник 1076 года, «Слова» Феодосия Печерского (XI в.), поучения Кирилла Туровского (XII в.), «Повесть временных лет», киевское, новгородское, владимирское летописание домонгольского периода, «Слово о полку Игореве» (XII в.), «Моление Даниила Заточника» (XII в.), поучения Серапиона Владимирского (70-е гг. XIII в.), «Правила ми-

⁴² Подробный обзор см.: Конявская Е.Л. Образ Александра Невского в Житии и ранних летописях // Александр Невский: личность, эпоха, историческая память. К 800-летию со дня рождения. Материалы международной научной конференции (25–27 мая 2021 г., Москва, Россия). М., 2021. С. 31–41.

трополита Кирилла» (1274 г.), Житийная повесть о Михаиле Тверском (конец 1319 – начало 1320 г.), «Помянник великих и уделных князей и княгинь» (1556–1557 гг.), Житие Евфросинии Суздальской (середина XVI в.), «История о великом князе Московском» А.М. Курбского (вторая половина XVI в.), послания Ивана Грозного, а также переводные произведения – «Откровение» Мефодия Патарского, «Апология бегства» Афанасия Великого, архиепископа Александрийского, среднегреческая и сербская редакции «Александрии» (XII–XV вв.), «История Иудейской войны» Иосифа Флавия, «Повесть о взятии Царьграда турками в 1453 году». Помимо этого, к исследованию привлекались памятники, посвященные событиям, связанным с противостоянием ордынским нашествиям XIV–XV вв.: произведения т.н. Куликовского цикла – «Задонщина» и летописные рассказы «о великом побоище иже на Дону» (конец XIV – самое начало XV в., их самые ранние версии дошли в составе Рог. и Сим.), повесть о Куликовской битве, дошедшая в составе С1, НК2, Н4 (конец 10-х или 20-е гг. XV в.), «Сказание о Мамаевом побоище» (начало XVI в.), а также рассказы о нашествиях Тохтамыша и Едигея, Житие Сергия Радонежского (в т.н. Первой Пахомиевой и Второй Пахомиевой редакциях, относящихся к 30-м гг. XV в.), «Послание на Угру» Вассиана Рыло 1480 г., летописные рассказы о событиях, связанных с нашествием хана Большой Орды Ахмата (Сим., Типogr., Львовской и Софийской второй летописей, сокращенных сводов 1493 и 1495 гг. и др.), а также Устюжский летописец (начало XVI в.), Казанский летописец (1560-е гг.), «Повесть о разорении Рязани Батыем» (середина XVI в.), Волоколамский патерик (первая половина XVI в.), «История о царях и великих князьях земли Русской» дьяка Федора Грибоедова (конец 60-х гг. XVII в.) и др. Кроме того, к исследованию привлекались актовые источники (договорная грамота Новгорода с Готским берегом, Любеком и немецкими городами о мире и торговле 1262–1263 гг., договор Смоленска с Ригой и Готским берегом 1229 г., договор великого князя московского Юрия Дмитриевича с рязанским великим князем Иваном Федоровичем 1434 г.). Из зарубежных источников, повествующих об обстоятельствах монгольского нашествия на русские земли, к исследованию привлекались «История монголов» Иоанна де Плано Карпини, «История Тартар» брата Ц. де Бридиа, «История ар-

хиепископов Салона и Сплита» Фомы Сплитского (1200–1268 гг.), «Горестная песнь о разорении Венгерского королевства татарами» магистра Рогерия, «Сборник летописей» («Джами ат-таварих») персидского государственного деятеля и историографа Рашид ад-Дина, писавшего в 1300–1310 гг., китайская династийная история «Юань-ши», составленная в 70-е гг. XIV в. Также к исследованию привлекались: послание папы римского Иннокентия IV Александру Невскому от 22 февраля 1248 г., «Записки о Московии» Сигизмунда Герберштейна, «Записки» Амброджо Контарини, «Записки о России» Джерома Горселя, послания папского нунция в Речи Посполитой Винцента дель Портоко и др.

Отобранные для исследования источники вполне репрезентативны, и их достаточно для решения поставленных задач.

Научная новизна исследования состоит в том, что впервые в науке на основе комплексного изучения источников дана целостная оценка действий правителей русских земель в годы нашествия Батыя (в сопоставлении как с устоявшимися книжными представлениями о должном поведении князя в условиях войны, так и с реальными поведенческими практиками предшествующего периода), а также выявлены мировоззренческие основы отношения книжников к поступкам князей – современников монгольского завоевания. Впервые в историографии определены направления формирования исторической памяти о поступках князей, совершенных в годы нашествия и вскоре после него. Кроме того, реконструированы исторические и идеологические основания для формулирования в XIV–XVI вв. новых принципов должного поведения князей в условиях внешней угрозы: со временем именно эти принципы стали идеологическим фундаментом концепции, предусматривавшей необходимость борьбы с ордынской зависимостью.

Научно-практическая значимость. Результаты диссертационного исследования могут быть востребованы при исследовании целого ряда проблем политической, военной, дипломатической истории средневековой Руси, этапов и направления развития исторической мысли и исторической памяти данного периода. Кроме того, полученные результаты могут быть использованы при создании общих курсов истории России для высшей и средней школы. Отдельные разделы работы были использованы при создании учеб-

ных пособий и курсов лекций по средневековой истории России⁴³. Также отдельные части диссертационного исследования были использованы автором при подготовке публичных лекций, прочитанных в рамках лектория «Исторические субботы» Государственного исторического музея в 2016–2018 гг., и в процессе разработки лекционного курса по истории России для профильных (гуманитарных) групп 9–11-х классов, который автор читает в ГБОУ «Школа № 1505 "Преображенская"».

Апробация результатов исследования. По теме диссертации опубликовано в общей сложности более 70 работ, в том числе 2 монографии, а также 22 статьи в ведущих научных журналах, входящих в перечень изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора наук, Высшей аттестационной комиссии Министерства науки и высшего образования РФ.

Наиболее важные положения и выводы диссертационной работы обсуждались в форме научных докладов на заседаниях Центра по истории древней Руси (23 мая 2023 г., 2 июля 2024 г.) и Центра источниковедения истории России Института российской истории РАН (28 января 2025 г., 7 октября 2025 г., 9 декабря 2025 г.), а также более чем на 20 международных и всероссийских научных конференциях.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Анализ привлеченных к исследованию ранних летописных источников о нашествии Батыя позволил впервые выявить статистическую основу для оценки поведения русских князей в условиях монгольского завоевания. Установлено, что из 38 князей, поименно упомянутых за период с 1237 по 1241 г., только треть погибли, почти половина (18 человек) спаслись бегством, остальные (около 15%) во время нашествия находились вдалеке от боевых действий. Такие действия шли вразрез с существовавшими в книжной традиции домонгольской Руси

⁴³ См., напр.: *Данилевский И.Н. Русские земли глазами современников и потомков (XII–XIV вв.). Курс лекций.* М., 2001. С. 112–168; *Кириллов В.В. История России. Учебное пособие.* 4-е изд., перераб. и доп. М., 2011. С. 89–105 и др.

представлениями о должном поведении князей, согласно которым храбрость воспринималась как важнейшая добродетель правителя, а бегство – как проявление недостойного поведения. Исследование показало, что в реальности князя и до нашествия Батыя зачастую действовали вопреки этим представлениям. Доказано, что сформировавшиеся представления о нашествии как о «казни Божьей за грехи» позволяли двояко толковать вопрос о возможности и необходимости сопротивления. Прорицательное осмысление исторических событий давало возможность книжникам оправдывать поведение князей, отказавшихся от борьбы, особенно если речь шла о «своих» князьях. Однако такой подход не был единственным, что создавало пространство и для традиционного представления о необходимости борьбы с завоевателями.

2. На основании анализа ранних летописных рассказов о нашествии Батыя установлено, что те правители, о которых было известно, что они мужественно сражались с завоевателями, не получили посмертного прославления. При этом исследование показало, что факт гибели князя в период нашествия во все не означал, что этому предшествовало храбре в военном смысле поведение. Это относится к действиям сыновей великого князя Юрия Всеволодовича в осажденном Владимире и к поступкам самого Юрия Всеволодовича, чей отъезд из Владимира накануне штурма был воспринят многими современниками как бегство и в этом смысле вполне вписывался в получившую распространение в это время модель поведения других правителей русских земель. В исследовании доказано, что в позднейшем летописании, начиная с первой четверти XV в., во всех случаях, когда дело касалось князей Суздальской земли, книжники старались скорректировать их образы, указав на их участие в сопротивлении завоевателям.

3. Установлено, что в дошедших до нас летописных и агиографических памятниках нет осуждения князей за бегство от врага. Бегство также не являлось «отягчающим» обстоятельством при решении вопроса о церковном прославлении того или иного правителя. Доказано, что в восприятии книжников подвиг Михаила Черниговского, совершенный им в ставке Батыя,

был куда более значим, чем то, как действовал князь в момент нашествия завоевателей. В рамках исследования сформулирована гипотеза, согласно которой многое в оценках поведения бежавшего князя зависело от результата бегства: если правитель спасался, книжники исходили из того, что его поступками руководил Промысел Божий; если же князь погибал от рук гонителей, значит, его бегство шло вразрез с волей Господа. Тем не менее в историописании более позднего периода авторы стремились максимально устраниТЬ из своих повествований упоминания о бегстве князей.

4. Установлено, что единственной фигурой, которая воспринималась во второй половине XIII в. в качестве носителя эталонных черт идеального князя-воина, был Александр Невский. В работе предложено объяснение его раннего прославления тем, что в течение жизни Александру Ярославичу удавалось проявлять исключительную храбрость и быть непобедимым во всех сражениях, что, по мнению книжников, являлось прямым подтверждением богоизбранности князя. На фоне других правителей, немужественное поведение и военные неудачи которых воспринимались как результат «казней Божих», насланных на русские земли, храбрость и непобедимость князя Александра Ярославича оценивались как признак того, что Русская земля, несмотря на все обрушившиеся на нее беды, не навсегда лишилась Божьего заступничества. Установлено, что в дальнейшем имели место как минимум две линии развития образа святого князя. Одна из них делала упор на военную составляющую, и в рамках такого прочтения Александр Ярославич надеялся чертами правителя, оказывавшего активное сопротивление татарам. В соответствии с другой линией князь воспринимался как «пастырь», совершивший духовный подвиг «за люди своя», во имя Русской земли и православной веры. Это восприятие легло в фундамент набиравшего распространение культа Александра Невского как «всех Русских земля христианского заступника», готового в любой момент встать на защиту Отечества от врагов.

5. В ходе исследования реконструированы механизмы посмертного формирования княжеской репутации в условиях не-

хватки информации о действиях правителей русских земель, выделены и охарактеризованы этапы эволюции памяти о конкретных современниках монгольского завоевания – князьях Борисе Васильковиче и Ярославе Всеволодовиче. Установлено, что создание «ретроспективного компромата» на князя Бориса Ростовского, а также формирование памяти о великом князе Ярославе Всеволодовиче как о мученике «за люди своя» имело сугубо книжное происхождение и достигалось путем беллетризации повествования. Предложены объяснения ряда дискуссионных моментов биографии отца Александра Невского – великого князя Ярослава Всеволодовича (уточнены возможное время и обстоятельства его возвращения в Суздальскую землю после нашествия Батыя, а также обстоятельства его похода на Каменец в 1239 г. и его кончины в 1246 г.).

6. Реконструирован мировоззренческий контекст, в рамках которого происходила рефлексия относительно поведения князей – современников нашествия Батыя в произведениях историописания, созданных в XV–XVI вв. Установлено, что победа над татарами в 1380 г., а также неудачный опыт противостояния им в конце XIV – XV в. стали импульсом для формирования нового «нравственного императива» поведения князей, согласно которому благочестивый правитель наделялся «пастырскими» функциями по отношению к своим подданным, высшей добродетелью князя признавалась его готовность пожертвовать жизнью «за други своя», а гибель «за землю Русскую» воспринималась как синоним «смерти за веру». Показано, что уже в начале XV в. эти подходы породили стремление к ретроспективной героизации поступков князей – современников нашествия. В XVI в. этот процесс получил новое развитие: небесной помощью, оказываемой правителям прошлого, объяснялись современные книжникам победы над покоренными «погаными царствами», причем вне зависимости от реального поведения князей – современников нашествия Батыя в отношении завоевателей.

Структура диссертации. Работа состоит из оглавления, введения, шести глав, заключения, списка использованных источников и литературы, а также условных обозначений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обоснована актуальность темы и обозначены хронологические рамки работы, проанализирована степень изученности проблемы, охарактеризована теоретико-методологическая и источниковая база исследования, указаны научная новизна и практическая значимость полученных результатов диссертационной работы.

Глава 1 «Действия правителей русских земель в период Батыева нашествия: книжный эталон и реальность» состоит из четырех разделов.

Выявлению существовавших в домонгольский период взглядов на идеальный образ князя-воина, а также определению того, в какой мере реальные действия князей того времени соотносились с этим образом, посвящен раздел 1.1 «Представления о должном поведении правителя в условиях военных действий и реальное поведение князей в домонгольский период». Образ идеального князя, сложившийся в дружинной среде домонгольской Руси, предполагал обязанность правителя защищать подконтрольную ему территорию. Как правило, реализация этой функции была связана с непосредственным участием князей в отражении нападений захватчиков. В книжности этого периода идеальный князь изображался прежде всего как храбрый воин и умелый военачальник. При этом страх, боязнь за себя, бегство с поля боя воспринимались в книжности того времени как проявления недостойного, «срамного» поведения. Однако в реальности наряду с проявлениями храбрости, мужественного поведения были распространены и случаи бегства князей, причем не только ситуативного бегства с поля боя (в момент или по итогам проигранного сражения), но и бегства превентивного – под воздействием слухов о силе неприятеля, из-за страха, с целью спасения собственной жизни. Такое бегство осуждалось в исключительных случаях. Это говорит о существовании уже в домонгольский период аксиологической двойственности в оценках поведения князей в условиях военных конфликтов, а также о том, что существующая поведенческая норма («аще ли побъгнемъ, срамъ имамъ») не превращалась в основу для осуждения тех правителей русских земель, которые вынуждены были ее нарушать.

В разделе 1.2 «*Русские князья в годы нашествия Батыя: историко-статистический анализ*» решается вопрос об определении общего числа князей, упомянутых в ранних источниках (НПЛ, Ипат., Лавр.) в контексте нашествия Батыя, а также о выявлении соотношения тех, кто сражался с врагом, и тех, кто избегал столкновений с ним. Делается вывод, что из общего числа князей примерно треть (34,2%) погибли и около половины (47,3%) спаслись бегством. Эти данные позволяют говорить об ограниченном характере сопротивления врагу, которое во многом зависело от того, в какой период нашествия князьям довелось столкнуться с угрозой, исходившей от завоевателей. Действия или бездействие правителей (в том числе сильнейших князей того времени, которые бежали от надвигавшейся опасности), несомненно, предопределили характер и масштаб самого сопротивления монголам.

Задача, решаемая в рамках раздела 1.3 «*Сопротивление или смиренie: два взгляда на монгольское нашествие в отечественном историописании второй половины XIII в.*», связана с реконструкцией отношения книжников к возможности и невозможности противостояния в условиях вражеского завоевания. Раздел состоит из двух подразделов.

Подраздел 1.3.1 посвящен анализу «рязанской» части рассказа НПЛ, которая полна деталей, отсутствующих в других ранних летописных источниках о нашествии. «Рязанский» эпизод мог попасть в НПЛ либо из недошедшей до нас рязанской летописи, либо как устный рассказ рязанца, записанный новгородцем. С одной стороны, собственно «рязанская» часть сообщения НПЛ имеет «героический» характер: рязанские князья показаны активными защитниками своей земли, готовыми противостоять завоевателям. С другой стороны, анализ записанных новгородцем «отступлений лирико-философского характера» свидетельствует о том, что сам автор рассказа НПЛ считал, что нашествие татар – это кара за грехи и поэтому, даже несмотря на предпринимаемые отдельными князьями попытки, невозможно «противится» гневу Господнему. Подраздел 1.3.2 посвящен сопоставительному анализу сообщений НПЛ и Лавр., с одной стороны, и Ипат. – с другой. Если НПЛ и Лавр. трактовали само нашествие «иноплеменных» как кару Господню за грехи, то Ипат. всячески избегала подобных оценок. Другое отличие Ипат. от НПЛ и Лавр. со-

стояло в том, что татары в ней были предельно персонифицированы, а предводитель завоевателей Батый, не упоминавшийся в НПЛ и Лавр. в рассказах о нашествии, в Ипат. изображался как некое персонифицированное зло, которое действовало не в качестве орудия гнева Господнего, а по собственному усмотрению. Третье отличие: последовательно проводимая в Ипат. идея о том, что борьба с татарами является праведным делом, способным обеспечить воинам «вънца нетлѣньяна от Христа Бога», а готовность «прельститься», заботясь не о вечном, но о «тленном и скоро минущем житии», наоборот, противоречит высшей цели христианина – спасению, была напрямую связана с тем, что действия татар воспринимались летописцем не как «казни Божии» (как в НПЛ и Лавр.), а как козни дьявола. Таким образом, в ранних рассказах о нашествии тема противостояния завоевателям была перемещена с сугубо военного на духовный уровень. Возможность или невозможность сопротивления осмыслилась в рамках провиденциального отношения к нашествию, а вовсе не в категориях «чести и срама», что давало возможность книжникам находить оправдания даже тем поступкам князей, которые с точки зрения книжных эталонов поведения вряд ли могли быть оправданы.

Глава 2 «Правители русских земель, павшие в годы нашествия Батыя, в изображении книжников второй половины XIII – XVI в.» состоит из трех разделов.

В разделе 2.1 «Погибшие князья в ранних летописных рассказах о монгольском завоевании» определяется характер работы книжников над рассказами о действиях князей, погибших от рук завоевателей, и выявляется отношение к их поступкам со стороны средневековых авторов. Обстоятельства смерти большинства погибших князей по-разному трактуются в источниках. Из тринадцати князей, павших во время нашествия, чьи имена дошли до нас в НПЛ, Ипат., Лавр., только о двух есть информация, не опровергаемая другими источниками, что они погибли в бою во время обороны городов (Роман Ингваревич, а также козельский князь Василий). Еще трое князей, скорее всего, погибли при схожих обстоятельствах (Всеволод Константинович, Кюр Михайлович и Мстислав Глебович), но прямых указаний источников на их гибель нет. О двух князьях («сынь Ярославль» и Мстислав Рыльский) говорится лишь, что они были убиты татарами, однако общий контекст сообщений не дает возможности

реконструировать обстоятельства их гибели. Двою правителей Суздальской земли (находившийся в Москве князь Владимир Юрьевич и ростовский князь Василько Константинович, находившийся в момент нашествия на реке Сити) окончили земной путь, попав в плен в ходе сражения. Об обстоятельствах гибели еще четырех князей (рязанский князь Юрий Ингваревич, а также великий князь владимирский Юрий Всеволодович и его сыновья Всеволод и Мстислав) информация достаточно противоречивая: помимо сообщений об их гибели в бою, есть также сведения о том, что это произошло в татарском плену (Ипат. о Юрии Ингваревиче), во время бегства от татар (НПЛ о Юрии Всеволодовиче) или в момент сдачи врагу (Ипат. о Всеволоде Юрьевиче). Раздел состоит из трех подразделов.

Подраздел 2.1.1 посвящен анализу повествований о действиях князей, сражавшихся в Рязани, под Коломной и Черниговом, в ранних летописных рассказах о нашествии Батыя. Есть достаточные основания полагать, что трое погибших князей проявили храбрость при защите своей земли: это Юрий и Роман Ингваревичи (согласно НПЛ, в период штурма Рязани и в ходе сражения под Коломной соответственно), а также Мстислав Глебович (по версии Ипат., во время сражения под Черниговом). Однако апология их храбрости и мужества не входила в задачи авторов дошедших до нас летописных известий, рассказывающих о завоевании монголами Рязани, Коломны, Чернигова. Составитель рассказа Лавр. старался не распространяться о действиях, совершенных для организации отпора завоевателям правителями, которые не относились к княжеской династии Суздальской земли. Сообщения двух других источников (НПЛ и Ипат.) были более свободны от такого рода ограничений: именно благодаря им и сохранились рассказы о мужестве и храбрости князей, не относящихся к правившей во Владимире династии.

Подраздел 2.1.2 касается анализа рассказов о поведении сыновей великого князя владимирского и обороне Владимира в историописании второй половины XIII в. Ни в одном из трех ранних летописных рассказов о нашествии не зафиксировано стремление этих князей проявить себя в качестве храбрых воинов, оказавших сопротивление завоевателям. При этом в повествованиях НПЛ и Ипат., скорее всего, отразились сведения из не дошедших до нас (возможно, даже устных) источников о событиях в Суздальской земле, трактовка ко-

торых не устроила составителя рассказа Лавр., работавшего в более позднее время. Он поставил перед собой задачу реабилитировать представителей «своей» великокняжеской династии, представив их поступки в более привлекательном свете, изображая действия сыновей великого князя во время обороны Владимира как разновидность христианского подвига, отодвигая при этом на дальний план сугубо военную сторону их поведения, которое, судя по всему, было далеко не идеальным.

В подразделе 2.1.3 анализируются действия Юрия Всеволодовича и события на реке Сити в летописании второй половины XIII в. и делается вывод о том, что автор рассказа Лавр. пытался скорректировать ту информацию о великом князе, которая к тому времени оказалась известной относительно широкому кругу лиц и даже попала в летописание сопредельных территорий (например, НПЛ). Создавая панегирик погибшему правителю Суздальской земли, книжник вынужден был считаться с тем, что воинские добродетели Юрия Всеволодовича не могли лежать в основу его прославления – ни личной храбости, ни тем более военной удачи тот не продемонстрировал. В этих обстоятельствах единственный выход состоял в том, чтобы показать не воинские, а христианские добродетели Юрия, изобразить его человеком, в любых ситуациях действующим в полном соответствии с Божьей волей. В итоге образ Юрия в Лавр. оказался весьма противоречивым. С одной стороны, он показан правителем, настроенным на борьбу с татарами, с другой – изображен человеком, демонстрирующим покорность судьбе и складывающимся обстоятельствам.

Раздел 2.2 «*Русские князья – участники столкновений с монголами в летописных компиляциях XV–XVI вв.*» состоит из трех подразделов и посвящен анализу трансформации образов русских князей, погибших во время нашествия Батыя, в поздних летописных сводах. Прежде всего уделено внимание тому, как создавалась «сводная» летописная версия событий и как менялись нюансы рассказов о действиях князей, какие из существующих трактовок событий рассматривались составителями поздних версий рассказов о нашествии в качестве приемлемых и привлекались для формирования «сводной» версии событий, а какие по тем или иным причинам «отбраковывались». Во всех случаях, когда сводчик первой четверти XV в. имел возможность выбирать из двух или трех версий летописных повествований, он делал

выбор в пользу версии, дошедшей в составе Лавр., внося в нее лишь минимальные уточнения и дополнения на основе сведений, содержащихся в других ранних (Ипат. и НПЛ) летописных рассказах. При этом максимально выбраковывались сведения ранних источников о «прельщении» князей татарами и о фактах бегства правителей русских земель. Во всех случаях, когда дело касалось поведения князей Суздальской земли, последующие редакторы старались изобразить их в максимально позитивном ключе, во-первых, устранив из повествования те версии, которые могли бы бросить тень на их действия во время нашествия, а во-вторых, в случаях, когда это было возможно, выдвигая их на первые роли или усиливая их героические черты. Все, что касалось действий князей, не относящихся к владимирской княжеской династии («чужих» или, по крайней мере, «не своих» для велиокняжеского дома), сводчик оставлял практически в неизменном виде, если это не мешало его намерениям по ретроспективному прославлению «своих» князей.

В подразделе 2.2.1 анализируется сообщение о сражении под Коломной в составе С1, НК2, Н4 и последующих летописных сводах, созданных на основе комплиментарного по отношению к владимирскому князю Всеволоду Юрьевичу рассказа Лавр. Редакторская работа сводчика выразилась в том, что рязанский князь Роман Ингваревич был упомянут среди участников сражения под Коломной, но при этом оказался отодвинут на второй план. Трактовка «коломенского» эпизода, возникшая в рамках С1, НК2, Н4, получила развитие в последующих летописных сводах XV–XVI вв. В более позднем МС конца XV в. и в зависящих от него летописях князь Роман оказался отодвинут и вовсе на третье место, потому что, согласно предложенной летописцами трактовке, инициатором похода на татар оказывался великий князь Юрий Всеволодович.

Подраздел 2.2.2 посвящен рассказам о действиях сыновей великого князя при обороне Владимира в летописании XV–XVI вв. В подразделе отмечается, что героическая трактовка их мотивов и поступков сформировалась в процессе позднейших интерпретаций рассказа Лавр. На каждом следующем этапе переосмысливания этого текста владимирским князьям приписывались все более воинственные по отношению к завоевателям намерения, а воеводе Петру Осядюковичу – все более изощренные попытки не дать кня-

зъям выполнить намеченное. Итогом эволюции сюжета о штурме Владимира стал рассказ Ник., который лег в основу «героической» трактовки поведения сыновей великого князя, прочно утвердившейся в последующей историографии.

В подразделе 2.2.3 анализируются сообщения о князьях Юрии Всеволодовиче и Васильке Константиновиче в контексте сражения на реке Сити. Отмечается, что если в летописных памятниках XV в. имела место попытка относительной героизации великого князя, проявившаяся в стремлении книжников преуменьшить в его образе черты, напоминающие черты князей-страстотерпцев, и увеличить при этом «военную» составляющую в описании его действий, то в произведениях XVI в., наоборот, делался заметный акцент на стремлении князя «пострадать» за веру и «за людей», приобщившись таким образом к тем, кто до него принял мученическую смерть от татар. Оба подхода опирались на заложенную еще в рассказе Лавр. двойственность восприятия Юрия Всеволодовича, которая перешагнула грань XVI в., найдя отражение в составленных уже во второй половине XVII в. на основе СК первых собственно житийных произведениях, посвященных Юрию Всеволодовичу, что и в дальнейшем предопределило характер исторической памяти о нем. Память о ростовском князе Васильке Константиновиче также развивалась по двум основным направлениям: прежде всего как о мученике (в этом плане на протяжении развития летописной традиции его образ сближался с образом его тестя – погибшего в Орде «за веру» князя Михаила Черниговского), с другой стороны, подчеркивались и другие его качества, среди которых видное место занимала храбрость.

Глава 3 «Правители русских земель, спасавшиеся бегством во время нашествия Батыя, в историописании второй половины XIII – XVI в.» состоит из пяти разделов. Общая задача главы – определить отношение книжников второй половины XIII – XVI в. к превентивному (то есть осуществленному еще до начала военных действий) бегству князей.

Задача раздела 3.1 «*Отказ от сопротивления: действия Михаила Черниговского и Даниила Галицкого в годы нашествия Батыя в историописании второй половины XIII в.*» – реконструировать цели князей Михаила Черниговского и Даниила Галицкого, покинувших подконтрольные им территории накануне нашествия Батыя. Раздел

состоит из двух подразделов. В подразделе 3.1.1 делается вывод о том, что предпринятые в историографии попытки объяснить отъезд Михаила Черниговского на запад стремлением принять участие в совместном с европейскими правителями отражении татарского нашествия не могут считаться обоснованными. В подразделе 3.1.2 на основе анализа Ипат. делается вывод о том, что действия Даниила Романовича ничем не отличались от действий Михаила Черниговского: никаких подтверждений того, что галицкий князь вел переговоры о совместных выступлениях против завоевателей, источники не содержат.

В разделе 3.2 «“Бегство” или “отъезд”: терминологические изыскания русских книжников второй половины XIII – XIV в.» анализируется сформировавшаяся в период после нашествия Батыя традиция маркировки бегства правителей, в соответствии с которой в рассказах о «чужих» для книжников князьях, как правило, использовалось определение «бегство», а для повествований о «своих» употреблялись более нейтральные формулировки («отъеха», «иде», «выгъха» и др.).

Проблема, исследуемая в рамках раздела 3.3 «Апология бегства: бегство как спасение от гонителей в историописании второй половины XIII – XIV в.», связана с решением вопроса о том, почему в дошедших до нас летописных и агиографических памятниках нет и намека на осуждение князей, бежавших от врага. Это наиболее наглядно проявилось в том, что факт бегства Михаила Черниговского, зафиксированный не только в недружественной по отношению к нему галицко-волынской летописи, но и в житийных рассказах о нем, не стал препятствием для его церковного прославления. Раздел состоит из трех подразделов. Подраздел 3.3.1 посвящен анализу причин терпимого отношения книжников к бегству князей. Во-первых, это может объясняться тем, что ранние произведения о князьях – современниках нашествия создавались в среде лиц, для которых такой способ спасения был не чужд: либо они сами, либо их ближайшие родственники в этот период могли спасаться от татар бегством. Во-вторых, бегство носило массовый характер и воспринималось как одна из распространенных в то время человеческих практик. В-третьих, в церковной традиции бегство рассматривалось как допустимый способ спасения от гонителей, как дело вполне богоугодное: «убегать повел Господь, и святые бегали, а гнать есть дьявольское предприятие» и «посему, не порицания достойно и не бесполезно бегство

святых»⁴⁴. В подразделе 3.3.2 анализируется рассказ ред. РА ЖМЧ, в котором бегство Михаила Черниговского обосновывалось якобы совершенным им убийством татарских послов, и делается вывод о том, что сам по себе этот поступок в глазах книжников выглядел вполне оправданным, поскольку послы прибыли к князю не для ведения переговоров, а для того, чтобы «прельщать» его и горожан «словесами лести». В итоге поступок превращался в серьезный довод в пользу того, что и до приезда в ставку Батыя Михаилу было свойственно намерение противостоять проискам прельщающего христиан дьявола и его «бездожным» слугам. Если, с точки зрения книжников того времени, в бегстве как таковом не было ничего зазорного и можно было даже в житийном произведении прямым текстом сообщать о бегстве святого князя от врагов, почему составитель рассказа Лавр. все-таки не стал упоминать о бегстве великого князя Юрия Всеволодовича, а изложил дело так, что князь якобы готовился дать татарам вооруженный отпор? Ответу на этот вопрос посвящен подраздел 3.3.3, в котором обращается внимание на то, что бегство великого князя владимирского Юрия Всеволодовича, в отличие от аналогичных поступков остальных известных нам правителей русских земель, завершилось не спасением (как это было с теми же Михаилом Черниговским, Даниилом Галицким или князьями Сузdalской земли, спасшимися бегством, «как Давид от Саула»), а его гибелью. А значит, указание на бегство князя Юрия означало бы, что его действия противоречили не только существовавшим книжным канонам должного поведения князя-воина, но и Божьей воле.

В разделе 3.4 «Подвиг “за веру и Отечество”: Михаил Черниговский в отечественном историописании XV–XVI вв.» проанализированы направления эволюции образа святого князя. Делается вывод о том, что в восприятии книжников подвиг, совершенный им в ставке Батыя, оказался куда более значим, чем то, как поступал Михаил Всеволодович в момент нашествия завоевателей. При этом если в ранних редакциях житийных рассказов князь и убиенный вместе с ним боярин Феодор изображались исключительно как мученики за веру, то в произведениях XVI в. они выступали как защитни-

⁴⁴ Творения иже во святых отца нашего Афанасия Великаго, архиепископа Александрийскаго. 2-е изд., испр. и доп. Сергиев Посад, 1902. Ч. 2. С. 82, 93, 95.

ки Церкви и Отечества от внешних угроз, прежде всего со стороны татар. По мнению книжников XVI в., «храбрость» и «мужество» Михаила, проявленные им в момент мученической гибели в Орде, оказывались вполне сопоставимы с «храбростью», которую проявили те, кого во время нашествия Батыя «мечь пойде». Темы защиты «люди своя» и служения Отечеству со временем становятся ведущими в восприятии Михаила Черниговского.

Глава 4 «Князь Александр Ярославич в историописании второй половины XIII – XVI в.» состоит из двух разделов.

В разделе 4.1 «Прославление святого благоверного князя Александра Невского во второй половине XIII в.: текст и контекст» на основе комплексного анализа первоначальной редакции житийной повести об Александре решается вопрос о мотивах его раннего церковного прославления. Раздел состоит из трех подразделов. Осуществленный в подразделе 4.1.1 анализ образов главных противников великого князя приводит к выводу о том, что описания боевых столкновений Александра Невского со шведами и немцами, а также житийный рассказ о посольстве «от папы из великого Рима» не несут в себе черты «антилатинства». Это означает, что существующие в науке аргументы в пользу того, что изначально причиной прославления князя Александра Ярославича стали его подвиги по защите православной веры от экспансии католицизма, не представляются убедительными. В подразделе 4.1.2 решается вопрос о том, какие личные качества и поступки Александра Ярославича, с точки зрения его агиографа, стали основанием для его прославления. Анализ ЖАН позволяет сделать вывод, что, по мнению книжника, Александр обладал полным набором черт идеального правителя, но храбрость была его главным качеством. При этом Александр был не просто храбр и удачлив в сражениях, но и «побѣжая, а не побѣдимъ», что обеспечивалось благодаря Богу благоволению. При этом агиограф стремился подчеркнуть сходство своего героя, святого благоверного князя, с «эталоном храбрости» того времени – царем Александром Македонским. В более поздней книжной традиции эта параллель только усиливалась. В подразделе 4.1.3 дается ответ на вопрос, почему храбрость и непобедимость смогли стать достаточным основанием для прославления князя. Историческим контекстом жизни и деятельности Александра Невского стала эпоха нашествия Батыя, воспринятого как «наказа-

ние Господне за грехи». Одним из проявлений «казней Божиих» стала неспособность князей и воевод защитить родную землю от врагов. На этом фоне храбрость и военные успехи князя Александра выглядели как исключительный случай: если прочие русские князья терпели поражения или даже бежали от врага, то Александр шел в бой и побеждал. Если другие правители испытывали страх, то Александра самого боялись. Непобедимость князя воспринималась не просто как проявление его богоизбранности, но и как признак того, что Русская земля не навсегда лишилась Божьего заступничества. При этом ни поведение князя в период самого нашествия, ни его последующая политика в отношении Орды не рассматривались в качестве препятствий для подобного к нему отношения.

Задача, решаемая в разделе 4.2 «*“Храбрый исполин”*: князь Александр Невский в историописании XV–XVI вв.», связана с выявлением основных направлений эволюции образа князя в летописании и произведениях агиографии XV–XVI вв. в части, касающейся восприятия книжниками его отношений с татарами. В книжности XV в. к главному качеству Александра Ярославича – храбрости, о которой повествовала первоначальная редакция ЖАН, – добавлялось еще одно важное, с точки зрения его последующих агиографов, качество – готовность действовать во имя «вся люди земли Русскыя», сближавшая его образ князя-воина с формировавшимися в тот период образами князей, принявших мученическую смерть в Орде. В дальнейшем имели место как минимум две линии развития образа святого князя Александра. В подразделе 4.2.1 анализируется линия, в соответствии с которой упор делался на военную составляющую подвига князя. В рамках такого прочтения Александр Ярославич наделялся чертами правителя, оказывавшего активное сопротивление татарам. Делается вывод, что представление о его непобедимости в отношении «агарян» опиралось на примеры успешных военных действий князя на западных рубежах Руси. В подразделе 4.2.2 анализируется другая линия восприятия князя, в рамках которой происходило его позиционирование не только как праведного правителя («пастыря»), совершившего духовный подвиг по имени своих подданных, Русской земли и православной веры, но и как человека, готового, подобно Михаилу Черниговскому, принять мученическую смерть в Орде за веру. Такое восприятие позволяло и «на будущее» рассматривать Александра Ярославича как заступника, прося

у святого «даровати побѣды на враги и одоление на поганыя» и молиться «за вся благовѣрныя князи и боляре и христолюбивое воинство». В подразделе 4.2.3 отмечается, что в XVI в. образ князя как храброго победителя всех «поганых языцей» (не только «немцев», «свееев», «варягов», «римлян», «латын», но и – вопреки исторической действительности – «безбожных агарян», т. е. татар) лег в основу национального распространение культа Александра Невского как «всех Русских земля христианского заступника», готового в любой момент встать на защиту Отечества от врагов. Именно в этом контексте следует оценивать представления о нем как об организаторе антиордынских выступлений, отразившиеся в более поздних источниках XVII в.

Глава 5 «Механизмы формирования княжеской репутации: "друг дьявола" и отец святого в исторической памяти второй половины XIII – XVI в.» состоит из трех разделов. Ее задача в том, чтобы установить этапы эволюции памяти о князьях Борисе Васильковиче и Ярославе Всеволодовиче и реконструировать механизмы формирования княжеской репутации в условиях отсутствия необходимой для этого информации. В рамках исследования установлено, что создание «ретроспективного компромата» на князя Бориса Ростовского, а также формирование памяти о великом князе Ярославе Всеволодовиче как мученике «за люди своя», подвижнике и святом имело сугубо книжное происхождение.

В разделе 5.1 «“Друг дьявола”: ретроспективный компромат на ростовского князя Бориса Васильковича» анализируются этапы формирования в историописании второй половины XIII – XVI в. памяти о поездке ростовского князя в Орду в 1246 г. Раздел состоит из двух подразделов. В подразделе 5.1.1 отмечается, что первый этап формирования памяти о Борисе Ростовском нашел отражение в предельно нейтральных сообщениях Лавр., упоминавшей только сам факт поездки князя вместе с дедом, Михаилом Всеволодовичем Черниговским, в ставку Батыя. Второй этап был связан с созданием пространных проложных редакций ЖМЧ (вторая половина XIII – начало XIV в.), в которых впервые появился рассказ о поведении князя Бориса Васильковича в Орде и была добавлена информация о том, что ростовский князь уговаривал святого выполнить волю «царя». В подразделе 5.1.2 отмечается, что третий этап формирования памяти о ростовском князе характеризуется нарастанием в агиографических

произведениях конца XV в., посвященных Михаилу Черниговскому, а также в зависимых от них летописных памятниках конца XV – первой половины XVI в. критики в адрес Бориса Васильковича. Четвертый этап связан с появлением компрометирующего Бориса Васильковича рассказа, нашедшего отражение в СК, ЛЛС, а также в Житии Евфросинии Сузdalской (середина XVI в.), в котором выпады в адрес Бориса Ростовского достигли своего апогея: князь был назван «врагом всякой правды» и «другом дьявола», обвинялся в измене православию и принятии «бесерменской» веры.

В разделе 5.2 «Ярослав Всеволодович и нашестье Батыя: к вопросу о местонахождении князя» предложены объяснения ряда дискуссионных моментов биографии отца Александра Невского – великого князя Ярослава Всеволодовича, связанных, в частности, со временем и обстоятельствами его возвращения в Сузальскую землю после нашествия Батыя, а также с мотивами его похода на Каменец (1239 г.).

В разделе 5.3 «Кончина как подвиг: этапы прославления великого князя Ярослава Всеволодовича» установлено, что мы имеем дело с несколькими, часто не сводимыми один к другому этапами формирования памяти о событиях, связанных со смертью великого князя Ярослава Всеволодовича, также определены сами эти этапы. В подразделе 5.3.1 уточнены обстоятельства кончины великого князя Ярослава Всеволодовича. Определено, что первый этап формирования памяти о его кончине связан с созданием лапидарных сообщений Лавр. и Ипат., причем на последнюю, скорее всего, повлияла информация папского посла Иоанна де Плано Карпини, присутствовавшего в момент смерти князя в ставке хана Гуюка. В результате комплексного анализа источников поставлена под сомнение господствующая в историографии версия об отравлении великого князя и предложено объяснение причин появления информации об этом событии в «Истории монголов» и в Ипат., а также отсутствия подобных сведений в Лавр. Делается вывод о том, что достоверность этой версии, равно как и альтернативной ей, является примерно одинаковой. В подразделе 5.3.2 определено, что второй этап памяти о кончине великого князя связан с созданием Особой редакции ЖАН, а также редакции ЖАН, отразившейся в С1 (первая четверть XV в.). В этих произведениях память об отце Александра Невского развивалась в направлении его посмертного прославления как человека, принялшего смерть «за други своя»,

а значит, совершившего христианский подвиг, хотя ни о чем подобном ранние источники не сообщали. Литературный материал для такого изображения Ярослава Всеволодовича брался книжниками прежде всего из житийных повестей о князьях, убитых в Орде. В подразделе 5.3.3 предложена и обоснована гипотеза, предполагающая атрибуцию личности Федора Яруновича, согласно С1 оклеветавшего великого князя перед ханом Гююком, а также новая трактовка того, в чем именно мог быть «обажен» Ярослав Всеволодович и почему в русских источниках не осталось на этот счет никаких указаний. В подразделе 5.3.4 определено, что третий этап формирования памяти о кончине великого князя связан с созданием СК (начало 1560-х гг.), в которой смерть Ярослава Всеволодовича описана в разделе с характерным названием «Подвигъ Ярославль».

Глава 6 «Исторический контекст формирования представлений о функциях православного правителя в историописании XIV–XVI вв.» состоит из семи разделов. В ней исследуются факторы, обусловившие формирование в книжности Московской Руси нового «нравственного императива» поведения князей, повлиявшего на эволюцию представлений о правителях – современниках нашествия Батыя, о которой шла речь в предшествующих главах диссертации.

В разделе 6.1 «Представление о гибели князя “за други своя” и “Отечество” в “Повести о Михаиле Тверском” (первая четверть XIV в.)» отмечается, что память о гибели в Орде великого князя Михаила Ярославича легла в основу взглядов о благочестивом поведении правителя, в соответствии с которыми последнему полагалось быть готовым пожертвовать собой «за други своя». В этом смысле Михаил Тверской стал первым в череде правителей русских земель, чье служение Отечеству воспринималось как неотъемлемая составляющая его служения Богу.

В разделе 6.2 «Защита Русской земли и христианства в произведениях XIV–XV вв., посвященных Куликовской битве» отмечается, что важнейшим событием, оказавшим влияние на эволюцию представлений русских книжников о возможности и необходимости противостояния татарам, была победа войск, возглавляемых великим князем Дмитрием Ивановичем (Донским), над Мамаем (1380 г.). В процессе рефлексии по поводу победы над татарами сформировалось представление, согласно которому правителям вменялось защищать Русскую

землю, что воспринималось как синоним защиты православной веры. При этом если в предыдущий период мотив «смерти за веру» был, как правило, связан с представлениями о мученичестве, готовности к добровольной жертве от рук иноверцев, то теперь речь шла о героической гибели в бою с оружием в руках.

В разделе 6.3 «*Нашествие Тохтамыша и “отъезд” Дмитрия Донского в Кострому в летописании XIV–XV вв.*» подчеркивается, что в рассматриваемый период тема бегства князей приобрела особую остроту и актуальность, что было связано с поведением великого князя в момент нашествия на Москву хана Тохтамыша (1382 г.), получившим неоднозначную оценку в источниках. В основе этого лежало формирующееся в историописании представление о пастырской миссии князя по отношению к подданным, что стало своего рода идеологической новацией этого периода. Идеал правителя формулировался при помощи евангельского слова, согласно которому «пастырь добрый душу свою полагает за овца, а наемник... видит волка грядущего, оставляет овец и бегает» от врага. В силу этого бегство воспринималось как неприемлемый с моральной точки зрения способ поведения.

В разделе 6.4 «*Долг “пастыря” и участь “бегуна” в сочинениях, посвященных Стоянию на Угре (1480 г.)*» отмечается, что для таких князей книжники того времени придумали специальный термин – «бегун»: с их точки зрения, князь-«бегун» не имел шансов избежать ответственности перед Богом за гибель врученному ему «словесного стада». Такое поведение приравнивалось к предательству веры и Отечества, что нашло отражение в целом ряде произведений, посвященных вражеским нашествиям конца XIV – XV в., в особенности в текстах, связанных с событиями 1480 г.

В разделе 6.5 «*“Предатели христианства” в историописании XIV–XVI вв.*» речь идет о том, что из представлений об обязанности правителей защищать Русскую землю вытекало осуждение тех русских князей, кто встал на сторону татар против своих. Такие князья воспринимались как «новые Иуды-предатели», которым дьявол в «усты глаголаше». Это во многом было связано с тем, что сами татары и их предводители в произведениях этого периода часто и настойчиво ассоциировались с дьявольскими силами.

В разделе 6.6 «*Идеальное поведение князя в “Повести о разорении Рязани Батыем”*» делается вывод о том, что автор этого произ-

ведения поставил перед собой задачу показать наиболее достойные, с его точки зрения, варианты поведения князей в условиях монгольского завоевания. Отмечается, что в «Повести» совсем не говорится о тех типах поведения, которые были в наибольшей мере распространены в произведениях историописания, созданных в первые десятилетия после нашествия: в ней не представлены бежавшие князья и князья, стремящиеся принять мученическую смерть. Это свидетельствует о том, что эталонными княжескими добродетелями в этот период становятся храбрость и мужество, проявленные в сражении с татарами.

В разделе 6.7 «Тактика против теории: “нравственный императив” и реальные поступки московских князей в XVI в.» на основе анализа рассказов источников о велиокняжеских «отъездах» из Москвы делается вывод о том, что, несмотря на сформировавшиеся в этот период представления, согласно которым князь должен был проявлять по отношению к врагам храбрость, как и в предшествующие периоды истории, описанный «нравственный императив» отнюдь не являлся прямым руководством к действию. Каждый раз решение о том, как именно поступать, принималось князьями, исходя из реальной военно-политической ситуации, и каждый раз это был личный выбор самого правителя – бежать или сражаться. В этом смысле выработанные в церковной среде поведенческие «каноны», судя по всему, принимались к сведению, но не были обязательны к исполнению.

В **Заключении** подведены итоги диссертационного исследования.

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ И ВЫВОДЫ ДИССЕРТАЦИИ ОТРАЖЕНЫ В СЛЕДУЮЩИХ ПУБЛИКАЦИЯХ

Монографии

1. Рудаков В.Н. Монголо-татары глазами древнерусских книжников середины XIII – XV в. М.: Квадрига, 2009. – 248 с. + илл. (2-е изд. М., 2014. – 272 с. + илл.; 3-е изд. М., 2017. – 272 с. + илл.); 17,0 а.л.
2. Рудаков В.Н. Ордынские нашествия в русской исторической памяти середины XIII – XVIII в. М.: Квадрига, 2025. – 304 с.; 19,0 а.л.

**Публикации в журналах, входящих в перечень изданий,
рекомендованных ВАК при Минобрнауки России**

3. Рудаков В.Н. Неожиданные штрихи к портрету Дмитрия Донского (бегство великого князя из Москвы в оценке древнерусского книжника) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2000. № 2. С. 15–27; 0,5 а.л.
4. Рудаков В.Н. Русские книжники в поисках критерииов оценок княжеской службы ордынским властям во второй половине XIII в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2009. № 3 (37). С. 100–101; 0,2 а.л.
5. Рудаков В.Н. «Потрудился за Новгород и за всю Русскую землю» // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2010. № 4 (42). С. 107–111; 0,2 а.л.
6. Рудаков В.Н. Бегун перед врагом // Родина. 2011. № 5. С. 78–80; 0,1 а.л.
7. Рудаков В.Н. «Иго» монголо-татар: что стоит за историографическим термином? // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2011. № 3 (45). С. 99–100; 0,1 а.л.
8. Рудаков В.Н. Древнерусские книжники о бегстве князей от татар // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2012. № 1 (47). С. 52–61; 0,5 а.л.
9. Рудаков В.Н. Русские книжники XV–XVI веков в поисках героев борьбы с татарами // Электронный научно-образовательный журнал «История». М., 2013. Вып. 6 (22) [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <https://history.jes.su/s207987840000610-0-1> / (дата обращения: 22.12.2025); 0,5 а.л.
10. Рудаков В.Н. Друг дьявола, внук святого. Борис и Глеб XIII века // Родина. 2015. № 1. С. 34–36; 0,2 а.л.
11. Рудаков В.Н. Великий князь Ярослав Всеволодович в годы нашествия Батыя // Тетради по консерватизму. 2020. № 3. С. 411–436; 1,5 а.л.
12. Рудаков В.Н. Екатерина Великая и память о святом благоверном князе Михаиле Черниговском в XVIII веке // Тетради по консерватизму. 2022. № 1. С. 237–246; 1,0 а.л.
13. Рудаков В.Н. Екатерина Великая против хана Батыя // Родина. 2022. № 7. С. 102–105; 0,2 а.л.
14. Рудаков В.Н. Загадочный поход великого князя Ярослава Всеволодовича на Каменец (1239 г.) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2022. № 3 (89). С. 15–33; 0,7 а.л.
15. Рудаков В.Н. Память о святых князьях Михаиле Черниговском и Александре Невском в эпоху становления Русского царства и в период фор-

- мирования Российской империи // Тетради по консерватизму. 2022. № 3. С. 79–91; 1,0 а.л.
16. Рудаков В.Н. Двоев против Батыя // Родина. 2023. № 3. С. 98–103; 0,3 а.л.
 17. Рудаков В.Н. События на реке Сити в контексте поведения правителей русских земель в годы нашествия Батыя // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2023. № 1. С. 3–26; 1,0 а.л.
 18. Рудаков В.Н. Память о двух битвах эпохи Батыева нашествия // Исторический вестник. 2023. № 45. С. 66–87; 0,7 а.л.
 19. Рудаков В.Н. Великий князь Юрий Всеволодович и Ситская битва в исторической памяти II пол. XVIII в. // Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». 2024. № 4 (56). С. 6–14; 0,7 а.л.
 20. Рудаков В.Н. Пространение святого благоверного князя Александра Невского во второй половине XIII века: текст и контекст // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2025. № 1 (99). С. 23–42; 1,0 а.л.
 21. Рудаков В.Н. «Все полагали, что он был отправлен»: формирование памяти о кончине великого князя Ярослава Всеволодовича (середина XIII – XVI в.) // Российская история. 2025. № 1. С. 15–33; 1,0 а.л.
 22. Рудаков В.Н. Штурм столицы Сузdalской Руси в 1238 г. в русском летописании второй половины XIII – XVI в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2025. № 4 (102). С. 186–191; 0,5 а.л.
 23. Рудаков В.Н. «Лучше нам умереть»: русские князья во время осады Владимира войсками Батыя в историописании второй половины XIII – XVIII в. // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2025. № 3. С. 3–22; 1,0 а.л.
 24. Рудаков В.Н. Сведения И. де Плано Карпини о смерти в. кн. Ярослава Всеволодовича (1246 г.) в контексте информации русских источников II половины XIII – XVI в. // Исторический вестник. 2026. № 56. С. 154–199; 2,0 а.л.

**Публикации в научных изданиях,
индексируемых в международных базах данных**

25. Рудаков В.Н. «Духъ южны» и «осмыій час» в «Сказании о Мамаевом побоище» // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 9. М., 1998. С. 135–157; 1,0 а.л.
26. Рудаков В.Н. Восприятие монголо-татар в летописных повестях о нашествии Батыя // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 10. М., 2000. С. 135–175; 1,5 а.л.

27. Рудаков В.Н. Концепция ордынского «ига» и отношения с Ордой в русском общественном сознании второй половины XIII – XVI веков // Вестник МГИМО-Университета. 2012. № 4. С. 24–31; 0,5 а.л.

Основные публикации по теме диссертации

28. Рудаков В.Н. Язык Библии в ранних рассказах русских летописей о монголо-татарском нашествии // Одиссей. Человек в истории. М., 2003. С. 49–60; 0,7 а.л.
29. Рудаков В.Н. Русские книжники XVI века в поисках героев борьбы с татарами // Человек читающий: между реальностью и текстом источника. Материалы научной конференции ИВИ РАН. М., 2011. С. 176–197; 1,0 а.л.
30. Рудаков В.Н. Бегство князей от татар в русском общественном сознании второй половины XIII – XVI в. // Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». 2011. № 2 (8). С. 41–53; 0,5 а.л.
31. Рудаков В.Н. Время «Ч» в древнерусских произведениях о монголо-татарах // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории. 2007–2009. Вып. 9. М., 2012. С. 37–66; 1,3 а.л.
32. Рудаков В.Н. Татары и русские в памятниках «куликовского цикла» // Куликовская битва в истории России. Материалы международной научной конференции. Вып. 2. М., Тула, 2012. С. 92–99; 0,3 а.л.
33. Рудаков В.Н. Два взгляда на ордынское нашествие в общественном сознании Руси второй половины XIII – начала XIV в. // Архивы и история российской государственности. Вып. 3. Отв. ред. А.Р. Соколов, А.Ю. Дворниченко. СПб., 2012. С. 6–16; 0,7 а.л.
34. Рудаков В.Н. Ордынское иго: термин, восприятие, реальность // «От текста к реальности: (Не)возможности исторических реконструкций». Материалы научной конференции ИВИ РАН. М., 2012. С. 121–144; 0,7 а.л.
35. Рудаков В.Н. В поисках героев: к вопросу о переосмыслении прошлого русскими книжниками XV–XVI вв. // Вестник славянских культур. 2012. № 1 (XXIII). С. 57–61; 0,3 а.л.
36. Рудаков В.Н. Ретроспективный компромат: взгляд из XVI века на князей – современников ордынского нашествия // Ретроспективная информация источников: образы и реальность. Материалы научной конференции ИВИ РАН. М., 2013. С. 150–164; 0,4 а.л.
37. Рудаков В.Н. Князь Борис Василькович Ростовский в исторической памяти XIII–XVI вв. // Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». 2013. № 1 (11). С. 18–25; 0,4 а.л.

38. Рудаков В.Н. Зависимость от Орды в русской исторической терминологии // Древняя Русь: пространство книжного слова. М., 2015. С. 437–453; 0,7 а.л.
39. Рудаков В.Н. Синонимы зависимости // Историк. 2015. № 10. С. 14–21; 0,5 а.л.
40. Рудаков В.Н. Между Киевом и Владимиром: великий князь Ярослав Всеволодович в годы нашествия Батыя // Александр Невский. Личность. Эпоха. Историческая память. К 800-летию со дня рождения. М., 2021. С. 154–166; 0,7 а.л.
41. Рудаков В.Н. «Поехал вборзе на Кострому» // Историк. 2022. № 7–8. С. 18–23; 0,3 а.л.
42. Рудаков В.Н. Дмитрий Донской, Тохтамыш и другие // Преподавание истории в школе. 2022. № 8. С. 19–24; 0,4 а.л.
43. Рудаков В.Н. Князья и нашествие // Историк. 2023. № 5. С. 38–39; 0,1 а.л.
44. Рудаков В.Н. Правящая элита русских земель в годы нашествия Батыя // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Вып. 7: Седьмые чтения памяти академика РАН Л.В. Милова. Аннотации докладов всероссийской научной конференции с международным участием. Москва – Владимир – Сузdalь, 15–17 ноября 2023 г. Владимир, 2024. С. 33–34; 0,1 а.л.
45. Рудаков В.Н. Рим и «римляне» в ранней редакции житийной повести об Александре Невском // Восточная Европа в древности и средневековье. Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В.Т. Пашуто. Вып. XXXVII. Этно- и топонимия в социокультурных практиках. М., 2025. С. 195–200; 0,2 а.л.
46. Рудаков В.Н. «Солнце Сузdalьской земли»: черты Александра Македонского в Житии Александра Невского // История и культура Сузdalьской земли: в честь 1000-летия города Суздаля. Владимир, 2025. С. 29–40; 0,4 а.л.
47. Рудаков В.Н. «Князь наш млад»: возраст как маркер поведения в рассказе о нашествии Батыя Ипатьевской летописи // Профессору Юрию Владимировичу Кривошееву ко дню семидесятилетия. СПб., 2025. С. 128–145; 1,0 а.л.
48. Рудаков В.Н. Как Александр Невский стал «солнцем земли Сузdalьской» // В служении Клио. Сборник к 70-летию доктора исторических наук, профессора Ю.А. Петрова. М., 2025. С. 176–184; 0,5 а.л.

Подписано в печать «13» февраля 2026 г. Формат 60 x 84 / 16
Тираж 100 экз. Заказ № 2

АНО «Средство массовой информации журнал «Историк»
115184, г. Москва, Вишняковский пер., д. 2